

ТОМАС РИД: ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Работа представлена кафедрой социально-культурных технологий Мурманского филиала Санкт-Петербургского университета водных коммуникаций.

В статье рассматривается морально-политическая концепция известного шотландского мыслителя XVIII в. Томаса Рида. Проанализирована теория естественного права философа «здорового смысла», дана характеристика праву и корреспондирующей ему обязанности с точки зрения здравого смысла.

Ключевые слова: Томас Рид, теория естественного права, здравый смысл.

L. Gur'yevskaya

THOMAS REID: NATURAL LAW THEORY AND COMMON SENSE

The article considers the moral and political conception of Thomas Reid, a famous 18th-century Scottish thinker. The natural law theory of the “common sense” philosopher is analysed; law and the obligation corresponding it from the common sense point are characterised.

Key words: Thomas Reid, natural law theory, common sense.

Общепризнанно, что эпоха Просвещения явилась одной из самых ярких в развитии философской мысли и социально-политической жизни Шотландии. Просвещение прежде всего включало в себя идею свободы, благосостояния и счастья, равенства перед законами, перед другими людьми. Человек обладает разумом, приходит в мир равным, со своими потребностями, интересами, удовлетворение которых устанавливает разумные и справедливые формы человеческого общежития. Из многих пер-

спектив, которые обогатили наше понимание шотландского Просвещения, выделяются три: практическая мораль, нравоучительная политика, естественное правоведение и сциентизм [3, с. 1]. По мнению современных зарубежных исследователей, наиболее яркой особенностью морально-политической мысли Шотландии этого периода являются теории естественного права [5, с. 291] и попытки объединить право, гражданский гуманизм и практическую этику с точки зрения морали и политики [3, с. 5, 6].

Среди академических причин обращения к теориям естественного права важное место занимает моральная философия. Как известно, в свете экспериментальных методов, проводимых учеными, схоластика была вытеснена из большинства шотландских университетов вследствие прогресса светской философии. В университетах Глазго, Эдинбурга и Абердина (за исключением университета Сейнт-Эндрюс) естественное право конституировало интегральную программу по моральной философии с 1690 г. до конца XVIII в. Студенты изучали как гражданское, так и естественное право. Причина проста. Шотландское право XVIII в. было во многом обязано Римскому гражданскому праву, которое, в свою очередь, происходило из принципов естественного права [5, с. 293]. Это требует некоторых разъяснений. Шотландским моралистам пришлось определять психологию морали или мотивацию, почему студентам следует руководствоваться в изучении, например, литературы и языка естественным правом. Дело в том, что студенты университетов, будущие политические лидеры шотландского общества, осознавали ошибки и опасности революции. Во всяком случае, политические теории должны были ответить на вопросы: Существует ли естественное право, если есть, как оно обязывает? Имеют ли индивидуумы естественное право на самозащиту, свободу, собственность? При этих обстоятельствах понятно, что теории естественного права были бы связаны не только с несправедливостью феодального общества, но и с современными социальными изменениями.

Заслуживает особого внимания тот факт, что кафедры в университетах Шотландии XVIII в. занимали личности самого блестящего ума той эпохи. Авторитет университетских профессоров простирался далеко за пределами аудиторного общения со студентами. Их лекции посещали, их книги читали, а когда они присутствовали в избранных обществах и клубах, мужчины и женщины стремились познакомиться с их идеями и вовлечь их в спор.

Один из крупнейших мыслителей этого периода Томас Рид (1710–1796) читал лекции

по теории естественного права в Кингз колледже в г. Абердине (1751–1764). Рид хорошо известен как основатель Шотландской школы философии «здравого смысла». Принимая во внимание, что большую часть своей длинной жизни Рид служил священником в шотландской церкви и преподавал в университетах Абердина и Глазго, говоря современным языком, он, несомненно, был профессионалом. Просветитель приехал в Глазго в 1764 г., чтобы занять кафедру моральной философии. Очевидно, что Рид изучал Гроция, Пуфендорфа, Локка и многих других знаменитых правоведов, познакомился с великой европейской традицией естественной юриспруденции. Следует также отметить, что в большой мере моральная философия шотландского Просвещения продолжила эти традиции.

Вполне убедительны обоснования западных интерпретаторов Рида. С точки зрения известного западного исследователя Н. Хааконсена, Рид, во-первых, является характерной чертой Просвещения, противопоставление любой простой взаимосвязи между специализацией знания и профессией. Во-вторых, в соответствии с профессией священника и учителя, просветителя в Шотландии понимали как состоящего на общественной службе, не в тривиальном смысле, контролируемой властями, а в широком моральном смысле, на службе, которая содействует формированию пристойных граждан. К тому же, в известной степени Рид имел представление о естественной философии и математике, моральной и политической теории. В общем, исследование политики получило критическую оценку Рида [8, с. 11, 12]. Ввиду чего следует заметить, что Рид никогда не практиковал в качестве юриста, не имел юридического образования, не состоял на службе, требующей знания юриспруденции.

Рид предлагает нам свой взгляд на политику, опираясь на здравый смысл. Подобно современным естественным правоведам, философ также идентифицирует концепцию естественного права как указание на наши моральные способности или сознание с целью завершить свою моральную теорию. Согласно Риду, термин «право» применим скорее к

людям, чем поступкам. Он «слишком искусственный, чтобы быть источником общего языка. Это термин мастерства, придуманный цивилистами, как только гражданское право стало профессией. Весь аспект права – защищать субъектов во всем, что они могут законно *делать* или *владеть* или *требовать*... Первое можно назвать правом на свободу; второе правом на собственность, которое также называется *реальным правом*; третье называется *личным правом*, потому что оно уважает некоего отдельного человека» [6, с. 388]. Естественный закон рассматривает права и обязанности нравственного мира человеческих поступков таким образом, что каждое право подразумевает корреспондирующую ему обязанность. Рид пишет: «Какое я имею право делать, обязанность всех людей не препятствовать мне. Какая у меня собственность или реальное право, никакой человек не должен отнять у меня; или досаждать меня в обладании ею. И какое я имею право требовать от любого человека, это его право совершать» [6, с. 388].

В этой связи следует сделать следующее замечание: не каждая обязанность предполагает право. Едва ли приемлем тот факт, что иногда Рид явно игнорирует наши обязанности, рассматривая систему прав и систему обязанностей как альтернативные способы связи с моралью, наоборот, в ридовских лекциях по праву они здравомысляще дополняют друг друга. Вероятно, эту двойственность концепции философа можно наблюдать из-за необычного статуса обязанностей. Наши права на свободу и наши «реальные» права (право, например, на собственность) первичные, и как следствие естественный закон предоставляет их и указывает обязанностям проявлять уважение к ним. С другой стороны, наши «личные» права (обычно установленные на основе договора) происходят из обязанностей, налагаемых на них естественным законом. Это довольно важный фактор. Независимо от того, что первично, а что вторично, естественный закон поддерживает соотношение между естественными правами и обязанностями. Как заключает Рид: «Таким образом, мы видим, что есть такое соотношение между правами

людей и обязанностями людей, что одно указывает на другое; а систему одного можно заменить системой другого» [6, с. 389]. По мнению Рида, мир морали в принципе хорошо приведен в порядок естественным законом, который связан с естественными правами и обязанностями, аналогичными связи между абсолютным законом и юридическими правами и обязанностями [2, с. 10].

В современных работах иностранных комментаторов четко выражено отношение к теории права Рида. Почти все исследователи подчеркивают непонимание ридовской идеи по обсуждаемому вопросу. С точки зрения М. Далгарно, ошибочно полагать, что чьи-то права на свободу (*liberty-rights*) соответствуют обязанностям, остальным не нужно препятствовать этим правам на свободу. Единственная логическая связь между правами на свободу и обязанностями видится М. Далгарно в праве на свободу делать что-то, что не влечет за собой обязанности воздерживаться от действия. Рид, однако, трактует права на свободу в среднем как все другие права, т. е. «рефлекс требования прав» («*reflex claim-rights*»), которые подразумевают обязанности для остальных воздерживаться от вмешательства в другие такие права [2, с. 11]. Как пишет Рид: «Между правом, с одной стороны, и обязанностью, с другой, нет необходимости в связи, но в действительности есть лишь разные выражения одного и того же значения; что то же самое сказать, я ваш дебитор и вы мой кредитор» [6, с. 388].

К. Лейер акцентирует ридовское понятие добродетели и человеколюбия в теории ограниченных прав. Все ли должны быть милосердными и гуманными, чтобы иметь на это ограниченное право? В этом случае недостаток права объясняется отсутствием права. Каждый обязан быть милосердным и гуманным, каждый имеет право, чтобы с ним обращались милосердно и гуманно, специально же не упомянут человек для милосердного или гуманного обращения [4, с. 240]. Если каждый должен относиться ко всем с милосердием и по-человечески, тогда каждый имеет право обращаться милосердно и гуманно со всеми, и ничего ограниченного в таком праве нет. Можно было бы возразить, что ограниченная

обязанность осмыслена намного больше, чем ограниченное право. Представляется возможным показать следующий пример ограниченного права. Предположим, я нуждаюсь, хотя не моя вина, истощен. Мне теперь говорят, что у меня есть право на благотворительность, я мог бы прибодриться и ожидать облегчения страдания. Потом я узнаю от кого-то, что могу потребовать этой выгоды от моего благодетеля, а мне говорят, что такого нет, хотя, конечно, у меня есть на это право. К. Лейер склонен допустить ответ в том, что более широкое понятие справедливости содержит в себе гуманность и милосердие, точно также как есть понятие права, вдобавок включающее в себя оба эти понятия [4, с. 240].

Уместно упомянуть, что проблема «здравого смысла» была одной из центральных в шотландской философии XVIII в. Вследствие этого, наряду с поощрением здравого смысла, следует уважать права людей. Различие социально-политических прав ясно показано Ридом. Следуя образцу Г. Гроция, философ «здравого смысла» отличает абсолютные и ограниченные права, часто трансформированные в отличие между абсолютными и ограниченными обязанностями [2, с. 13]. В соответствии с концепциями справедливости отличаются два вида прав в узком и широком смысле. Абсолютные права (*perfect rights*) требуют истинной справедливости, а требования справедливости ограниченных прав (*imperfect rights*) включают гуманность и милосердие.

Мы обязаны почитать то, во что мы верим, возможно, по неведению это право другого, хотя он не имеет права. Например, если я верю, что кто-нибудь обладает чем-то, фактически не владея и не имея права, возможно, потому что он украл, тогда я, если не уверен, обязан не брать у него предмет, несмотря на то, что он не имеет права на предмет. Чтобы сохранить симметрию между правами и обязанностями в таких случаях, можно представить фикцию закона и сказать, что человек имеет внешнее право (*external right*) на объект, который просто вид «рекламации, основанной на невежестве или ошибке заинтересованных сторон». Рид делает вывод: «Таким образом, если бы даже система абсолютных прав людей или прав

истинной справедливости была бы неубедительной заменой человеческого долга, кроме того, если мы добавляем к ней абсолютные и внешние права, она включает весь долг, который мы должны нашему товарищу» [6, с. 390].

Почти такой же важной чертой для Рида является необходимость полных прав для существования самого общества. Он полагается на более общий (но равно традиционный) подход: полным правам соответствуют отрицательные обязанности, т. е. обязанности не навредить, не мешать осуществлению прав, а ограниченным правам соответствуют положительные обязанности, т. е. отплатить добром. Вместе с тем это концептуальное пояснение не имеет для Рида морально-политического значения.

Н. Хааконссен обобщает точку зрения относительно различия прав и обязанностей. Во-первых, Рид никогда не представляет два вида прав и корреспондирующих им обязанностей различного эпистемологического статуса. Люди проявляют в равной мере объективные и открытые моральные качества в расчете на наши нравственные способности. Во-вторых, Рид не думает, что они такие очень разные в моральной настоятельности; в этом отношении граница между ними часто будет полностью не определена. В-третьих, он не думает, что общество может существовать просто на основе защиты полных прав. В-четвертых, он последовательно видит задачу правительства, чтобы защищать и абсолютные и ограниченные права, делая и полные и какие-то ограниченные обязанности закономерно вступающими в силу [2, с. 13].

Можно утверждать, что существует преимущество подходящей морали в терминологической системе. Такая система полезная, так как она дает более систематические оценки, подходит для изучения закона о человеке и естественных законах, служит, следовательно, в качестве концепции закона, когда не хватает знаний закона о человеке или его нельзя применить. Примеры последнего включают законы, необходимые для регулирования сделки между государствами, отношения индивидуумов, которые не имеют общего превосходства или

отношения правителя с его или ее субъектами [4, с. 239, 240].

М. Далгарно отмечает пользу органического сочетания прав и обязанностей в контрактной теории политической обязательности (*obligation*), которую Рид поддерживает в неопубликованном манускрипте (Абердинский университет MS 213/2/11/10), в контексте исторического и интеллектуального значения идеи контракта для XVIII в. [1, с. 369]. Для Рида встают два вопроса: один касается прав или обязанностей по отношению к особой службе, второй интересен, как они же становятся правами или обязанностями отдельного человека (*particular person*). Идеальным случаем подобных отношений, по Риду, мог бы быть постулат короля «Я лишь служу» (*I only beg*), что никакому человеку нет необходимости быть королем, который берет на себя эту роль добровольно и может сложить полномочия и оставить службу, когда захочет. Таким образом, служение есть добровольный акт, контракт подразумевает сделать его долгом [1, с. 378].

Кроме выше изложенных прав, шотландский философ предлагает врожденные (*innate*), или естественные права (*natural rights*), основанные на природе человека как рациональном и моральном агенте иверяемые его Создателем со вниманием и заботой. По Риду, врожденность этих прав состоит не только в получении их по праву рождения, но также в интуитивном восприятии, в результате нарушения права возникает ощущение несправедливости. Восприятие такой несправедливости вызывает чувство возмущения как следствие природного закона (*natural principle*). Эти права отличаются от приобретенных (*acquired*) прав, полученных в результате какого-то предыдущего акта или поступка человека, тогда как естественные права ничего подобного не предполагают.

Связь между справедливостью и правами Рид формулирует кратко: «Несправедливость есть нарушение права, а справедливость должна давать каждому человеку его право (*what is his right*)» [6, с. 425]. Более того, основное понятие справедливости включает такой поступок как действие справедливости, бла-

годаря которому должно быть сделано, у нас моральный долг совершить его, существуют лишь разные способы выражения одной и той же вещи. Каждое понимание справедливости подразумевает свое обязательство. Возможно ли, что разум человека может воспринимать понимание справедливости без понимания долга или морального обязательства. Ее обязанность поэтому неотделима от ее природы, а не происходит исключительно от ее полезности для нас или для общества [6, с. 423]. Итак, соотношение между долгом и правами состоит в том, что мы морально обязаны совершать справедливые поступки, а справедливость должна давать каждому человеку то, что принадлежит ему по праву.

С позиции здравого смысла Рид рассматривает также право на собственность. Правопорядок должен обеспечить возможность получить выгоду каждому, но так, чтобы при этом соблюдались также свобода и частный интерес всех остальных. Право на собственность не врожденное, а приобретенное [6, с. 429]. От руки Создателя мир дан человечеству в негативном сообществе, где все в равной мере открыто для временного пользования всеми. Рид оправдывает такой захват как средство обезопасить наши врожденные, или естественные права, такие, как право на жизнь и свободу. В завоевании мира человек должен не только выполнять свой долг, проявляя заботу о своих собственных правах, но также заботиться о правах других людей. Рид иллюстрирует это замечательной аллегорией, в которой человеческая жизнь изображена как вечеринка, а природный мир представлен закусками, обеспеченными хозяином. Ухаживая за собой, каждый гость должен постоянно заботиться об удовлетворении своего соседа, общем счастье вечеринки и чести хозяина. Короче, индивидуальные требования есть легитимные права, только когда они не конфликтуют со здравым смыслом, но насколько возможно вносят в него свой вклад [2, с. 12].

Дело в том, что удовлетворение требований свободы, имущества и услуг содействует здравому смыслу и есть фактически право для всех. Это утверждение характеризует право и

корреспондирующую его обязанность. Так как всякая обязанность обозначена естественным законом, чья конечная цель есть реализация здравого смысла, уверенность в отсутствии невыполнимых обязательств показывает, что все гениальные права-требования в гармонии со здравым смыслом. В то же время здравый смысл выражает самое глубокое почтение обязанностям и отсюда защита прав. Что касается права собственности, оно очень ограничено. Мы можем захватить только те участки природы, которые необходимы для удовлетворения наших нужд и потребностей и которые зависят от нас, чтобы не навредить другим в подобных правах. В дальнейшем, эти вещи могут пригодиться нам без установления частной собственности, такие, как воздух, вода, океан не могут быть захвачены индивидуумами (или сообществами).

В своих лекциях «Опыты о деятельных способностях человека» Рид отрицает свою идею, и было бы действительно экстраординарно, если бы профессор читал лекции своим ученикам о незаконности частной собственности на землю [2, с. 14]. Как и большинство просветителей, Рид исходит из идеи неотъемлемых прав отдельных индивидуумов и их частных интересов. Приобретение такой собственности выступает средством заставить нас реализовать разум, свой моральный потенциал, частично делая нас более прилежными и таким образом социально полезными, частично дающими право показать свое великодушие. Однажды гражданское общество было учреждено как добрый гений здравого смысла, оно имеет полную прерогативу над частной собственностью.

Подводя итог, можно сказать, что Просвещение в его подлинном смысле – последний бастион здравого смысла и инструмент, обеспечивающий социально-политическое и моральное здоровье государства. Век Просвещения принято связывать с именами тех, кто продвигал в истории европейского духа идеи, абсолютизирующие значимость рационального начала в мире. Таковым был главный авторитет Шотландской школы Томас Рид, сыгравший ведущую роль в истории шотландского Просвещения.

Влияние Рида на шотландскую культуру с особой силой проявилось в деятельности просветителя как философа и регента университета. Рид имел сильное чувство гражданской ответственности, обучал своих студентов моральной и гражданской интуициям (многие из которых стали общественными лидерами) и также заботился об определении места для своей практической философии «здравого смысла» в пределах историко-философской концепции. В такой опоре на здравый смысл – несомненная ценность философствования Шотландской школы.

При этих обстоятельствах было неудивительно, что Рид проявляет знание не только абстрактных юридических принципов, но также вполне конкретных юридических вопросов. Рид обсуждает рекламу, которую государство имеет к своим гражданам, и какую гражданин имеет к государству. Мыслитель акцентирует внимание, что во все времена правительство принуждается естественным законом, не считая другие практические вопросы, например, касающиеся права на объявление войны и принуждение вести войну. Не лишены значения и здравомыслящие замечания Рида при выдвижении и реализации человеком практических целей, при исполнении и защите нравственных норм.

Исходя из выше изложенного, главное внимание уделялось роли естественного права, соотношению прав и обязанностей, тем не менее есть обязанности, которым никакие права не соответствуют. Подобно своим предшественникам Рид видит долг и добродетель в качестве эквивалентных оценок морали и рассматривает благоразумие или эгоизм в соответствии с корректным нравственным поведением. Даже когда истинно добродетельный поступок совершается из осторожного стремления кого-то ради всеобщего добра, нельзя оценить его по тому же достоинству, когда он совершается из чувства долга. Понятие долга ради себя одного дает настоящее и продолжительное счастье. Рид объясняет понятие долга следующим образом: «Знание нашего долга для каждого человека в каждый период жизни – самое важное из всего знания» [6, с. 371]. Как и многие из его современников Рид адаптировал систему долга современного

естественного права эпохи Просвещения к своей моральной теории. Он спроектировал порядок в обществе без частной собственнос-

ти, построенном на дифференцированном моральном достоинстве и указанном моральном совершенстве его членов [7, с. 746].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dalgarno Melvin*. Taking upon Oneself a Character: Reid on Political Obligation // The philosophy of Thomas Reid; ed. M. Dalgarno, E. Matthews. -Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 369–385.
2. *Haakonssen Knud*. Reid's Politics: A Natural Law Theory // Reid Studies. 1986-87. No. 1. P. 10–27.
3. *Haakonssen Knud*. Natural Law and Moral Philosophy: from Grotius to the Scottish Enlightenment. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 396 p.
4. *Lehrer Keith*. Thomas Reid. London; New York: Routledge, 1989. 311p.
5. *Moore James*. Natural Rights in the Scottish Enlightenment // The Cambridge History of Eighteenth-century Political Thought; ed. Mark Goldie, Robert Wokler. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 291–316.
6. *Reid Thomas*. Essays on the Active Powers of the Human; intr. Baruch A. Brody. Cambridge: M.I.T. Press, 1969. 481 p.
7. *Reid Thomas* // Dictionary of Eighteenth-century British Philosophers, the: in 2 vol.; ed. John W. Yolton. Bristol: Thoemmes Press, 1999. Vol. 2. 1013 p.
8. Thomas Reid on Practical Ethics: Lectures and Papers on Natural Religion, Self-Government, Natural Jurisprudence and the Law of Nations; ed. Knud Haakonssen. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 404 p.

REFERENCES

1. *Dalgarno Melvin*. Taking upon Oneself a Character: Reid on Political Obligation // The philosophy of Thomas Reid; ed. M. Dalgarno, E. Matthews. -Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 369–385.
2. *Haakonssen Knud*. Reid's Politics: A Natural Law Theory // Reid Studies. 1986-87. No. 1. P. 10–27.
3. *Haakonssen Knud*. Natural Law and Moral Philosophy: from Grotius to the Scottish Enlightenment. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 396 p.
4. *Lehrer Keith*. Thomas Reid. London; New York: Routledge, 1989. 311p.
5. *Moore James*. Natural Rights in the Scottish Enlightenment // The Cambridge History of Eighteenth-century Political Thought; ed. Mark Goldie, Robert Wokler. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 291–316.
6. *Reid Thomas*. Essays on the Active Powers of the Human; intr. Baruch A. Brody. Cambridge: M.I.T. Press, 1969. 481 p.
7. *Reid Thomas* // Dictionary of Eighteenth-century British Philosophers, the: in 2 vol.; ed. John W. Yolton. Bristol: Thoemmes Press, 1999. Vol. 2. 1013 p.
8. Thomas Reid on Practical Ethics: Lectures and Papers on Natural Religion, Self-Government, Natural Jurisprudence and the Law of Nations; ed. Knud Haakonssen. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 404 p.

Л. В. Мурейко

ОБЛАДАЮТ ЛИ МАССЫ СОЗНАНИЕМ?

Работа представлена кафедрой философии РГПУ им. А. И. Герцена.

В статье рассматривается правомерность термина «массовое сознание» по сравнению с термином «массовая психология», исследуются смысловые точки пересечения рациональности масс и творческих персон.

Ключевые слова: сознание, массовое сознание, рациональность, индивидуальность, личность, безличие.